

Эмиль Верхарн

Стихотворения

Эмиль Верхарн

Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22836795

Аннотация

«В равнинах Ужаса, на север обращенных,
Седой Пастух дождливых ноябрей
Трубит несчастье у сломанных дверей –
Свой клич к стадам давно похороненных...»

Содержание

Ужас	4
На север	5
Ноябрь	7
Декабрь	10
Человечество	12
Дерево	13
Город	17
Завоевание	22
Города	26
Толпа	31
Микельанджело	35
К Бельгии	41
Душа города	43

Эмиль Верхарн

Стихотворения

Ужас

В равнинах Ужаса, на север обращенных,
Седой Пастух дождливых ноябрей
Трубит несчастье у сломанных дверей –
Свой клич к стадам давно похороненных.
Кошара из камней тоски моей былой
В полях моей страны, унылой и проклятой,
Где вьется ручеек, поросший бледной мятой,
Усталой, скучною, беззвучною струей.
И овцы черные с пурпурными крестами
Идут, послушные, и огненный баран,
Как скучные грехи, тоскливыми рядами.
Седой Пастух скликает ураган.
Какие молнии сплела мне нынче пряжа?
Мне жизнь глядит в глаза и пятится от страха.

1904

На север

С темными бурями споря
Возле утесистых стен.
Два моряка возвращались на север
Из Средиземного моря
С семьёю сирен.
Меркнул закат бледно-алый.
Плыли они, вдохновенны и горды...
Ветер попутный, сырой и усталый,
Гнал их в родные фиорды.
Там уж толпа в ожиданье
С берега молча глядела...
В море сквозь сумерки синие
Что-то горело, алело,
Сыпались белые розы
И извивались, как лозы,
Линии
Женского тела.
В бледном мерцанье тумана
Шел к ним корабль, как рог изобилья,
Вставший со дна океана.
Золото, пурпур и тело...
Море шумело...
Ширились белые крылья
Царственной пены...

И пели сирены,
Запутаны в снасти,
Об юге, о страсти...
Мерцали их лиры.
А сумерки были и тусклы и сыры.
Синели зубчатые стены.
Вкруг мачт обвивались сирены.
Как пламя, дрожали
Высокие груди...
Но в море глядевшие люди
Их не видали...
И мимо прошел торжествующий сон
Корабли, подобные лилиям, –
Потому что он не был похож
На старую ложь,
Которую с детства твердили им.

1904

Ноябрь

Большие дороги лучатся крестами
В бесконечность между лесами.
Большие дороги лучатся крестами длинными
В бесконечность между равнинами.
Большие дороги скрестились в излучины
В дали холодной, где ветер измученный,
Сыростью вея,
Ходит и плачет по голым аллеям.
Деревья, шатаясь, идут по равнинам,

В ветвях облетевших повис ураган.
Певучая вьюга гудит, как орган.
Деревья сплетаются в шествиях длинных,
На север уходят процессии их.
О, эти дни «Всех Святых»...
«Всех Мертвых»...
Вот он – Ноябрь – сидит у огня,
Грея худые и синие пальцы.
О, эти души, так ждавшие дня!
О, эти ветры-скитальцы!
Бьются о стены, кружат у огня,
С веток срывают убранство,
И улетают, звеня и стенья,
В мглу, в бесконечность, в пространство.

Деревья, мертвые, все в памяти слились.
Как звенья, в пенье, в вечном повторенье
Ряды имен жужжат в богослуженье.
Деревья в цепи длинные сплелись,
Кружатся, кружатся, верны заклятю.
Руки с мольбою во тьме поднялись.
О, эти ветви, простертые ввысь,
Бог весть к какому Распятию!
Вот он – Ноябрь – в дождливой одежде,
В страхе забился в углу у огня.
Робко глядит он, а в поле, как прежде,
Ветры, деревья, звеня и стена,
В сумраке тусклом, сыром и дождливом
Кружатся, выются, несутся по нивам.
Ветры и деревья, мертвые, святые,
Кружатся и кружатся цепью безнадежною
В вечерах, подернутых серой мглою снежною.
Ветры и деревья... мертвые... святые...
И Ноябрь дрожащими руками
Зажигает лампу зимних вечеров.
И смягчить пытается слезами
Ровный ход безжалостных часов.
А в полях всё то же. Мгла все тяжелее...
Мертвые... деревья... ветер и туман.
И идут на север длинные аллеи,
И в ветвях безумных виснет ураган.
Серые дороги вдаль ушли крестами
В бесконечность тусклых, дремлющих полей.
Серые дороги и лучи аллей –

По полям... по скатам... вдаль... между лесами...

1904

Декабрь

(Гости)

«Откройте, люди, откройте двери,
Я бьюсь о крышу, стучусь в окно,
Откройте, люди, я ветер, ветер,
Одетый в платье сухих листьев».

«Входите, сударь, входите, ветер,
Для вас готовый всегда очаг;
Труба дымится, камин побелен,
Входите, ветер, входите к нам».

«Откройте, люди, я непогода,
Во вдовьем платье, в фате дождя.
Она сочится, она струится
Сквозь тускло-серый ночной туман».

«Входите смело, вдова, входите,
Ваш сине-бледный мы знаем лик.
Сырые стены и норы трещин
Всегда готовый для вас приют».

«Откройте, люди, замки, засовы,
Я выюга, люди, откройте мне,
Мой плащ клубится и платье рвется
Вдоль по дорогам седой зимы».

«Входите, выюга, царица снега,
Просыпьте лилий своих цветы
По всей лачуге, вплоть до камина,

Где в красном пепле живет огонь».
Мы беспокойны, мы любим север,
Мы люди диких, пустынных стран,
Входите, ветры и непогоды,
За все невзгоды мы любим вас.

1905

Человечество

О, вечера, распятые на склонах небосклона,
Над алым зеркалом дымящихся болот...
Их язв страстная кровь среди стоячих вод
Сочится каплями во тьму земного лона.
О, вечера, распятые над зеркалом болот...
О пастыри равнин! Зачем во мгле вечерней
Вы кличете стада на светлый водопой?
Уж в небо смерть взошла тяжелою стопой...
Вот... в свитках пламени... в венце багряных терний
Голгофы – черные над черною землей!..
Вот вечера, распятые над черными крестами,
Туда несите месть, отчаянье и гнет...
Прошла пора надежд... Источник чистых вод
Уже кровавится червонными струями...
Уж вечера распятые закрыли небосвод...

1905

Дерево

Одинокое, –
Лето ль баюкает, треплют ли зимы,
Иней ли ствол серебрит, иль зеленеет листва,
Вечно – сквозь долгие дни гнева и нежности –
Оно налагает свое бытие на равнины.
Сотни и сотни лет видеть всё те же поля,
Те же пашни и те же посевы.
Ныне умершие очи –
Очи отдаленнейших предков
Видели,
Как петля за петлей заплеталась кольчуга
Крепкой коры и сильные ветви,
Мирно и мощно царило оно над работами дня,
Ложе из мха в косматых ногах раскрывая
В полдень усталым жнецам,
И сладок был сумрак его
Детям, любившимся здесь –
Некогда.
Ранним утром по нем в деревнях
Определяют погоду:
Оно причастно тайнам клубящихся туч
И солнц, на заре замутненных.
Оно – образ былого на страже осиротелых полей,
Но как бы глубоко проедена плоть ни была его

Памятью, –
Только январь склоняться начнет
И соки в старом стволе забулбят, –
Всеми ветвями своими и завязью почек –
Руки и губы его! –
Оно, напрягаясь в едином порыве, кидает свой крик
В будущее...
Нитями вешних лучей и дождей закрепляет
Нежные ткани листов, напрягает узлы,
Ветви свои расправляет,
Выше к небу подымает чело,
Так далеко простирает жадные корни,
Что истощает болото и пашни соседние,
И порой
Вдруг остановится-само пораженное
Яростью этой работы немой и глубокой.
Но чтоб расцвести и царить во всей полноте
своей силы,
Выдержать сколько борьбы приходилось зимою:
Ветра ножи, проникавшие в тело,
Толчки ураганов и бешенство бури,
Иней, как острый напильник,
Ненависть дробного града и снежной метели,
Мертвый мороз, проникавший
Белым зубом до самых глубинных волокон, –
Всё было вязким страданьем и болью звенящей.
Но оно никогда и ни разу
Не отказалось от воли к расцвету,
Более полному, более пышному

Каждой новой весной.
В октябре, когда золото блещет в листве его,
Часто шаги мои, тяжко-усталые,
Но всё же широкие, я направлял в богомолье
К этому дереву, пронзенному ветром и осенью.
Как исполинский костер листьев и пламени,
Оно подымалось спокойно в синее небо –
Всё напоенное миллионами душ,
Певших в дуплистых ветвях.
Шел я к нему с глазами, повитыми светом,
Трогал руками его и чувствовал ясно,
Как движутся корни его под землей –
Нечеловечески мощным движеньем.
Я грубую грудью своей к стволу приникал
С такою любовью и страстью,
Что строим глубоким его и целостной мощью
Сам проникался до самого сердца.
Смешан и слит с глубокой и полной жизнью,
Я прилеплялся к нему, как ветвь среди ветвей,
Глубже любя эту землю, леса и ручьи –
Это великое голое поле с клубящимся небом.
Жребий не страшен, и руки
Жаждают пространство обнять,
Мускулы тело легчат,
И кричал я: «Сила – свята!
Надо, чтоб сам человек метил печатью ее
Дерзкие планы свои – грубо и страстно.
Рая ключарница – ей право выламывать двери».
Ствол узлистый без памяти я целовал...

Когда же вечер спускался с небес,
Я терялся в мертвых полях,
Шел неизвестно куда, прямо вперед, пред собой,
С криком, бьющим со дна сумасшедшего сердца.

23 ноября 1916

Город

Все пути в город ведут...

Там

Из тумана и дыма,

Громоздя над ярусом ярус,

Точно со дна сновидений,

Город встает.

Там

Мосты, из стали сплетенные, кинуты

Прыжками сквозь воздух.

Глыбы камня, пилястры, колонны

Возносят лики Горгоны;

Предместья дыбятся башнями,

Трубы, и вышки, и шпили –

В ломаных взлетах над крышами...

Это Город-спрут

Дыбом взметнулся

В глубине равнины над пашнями.

Там

Красные цветы

Вздеты

На столбы и высокие мачты, –

Светятся даже в полдень,

Подобно чудовищным яйцам.

Солнца не видно –

Света исток затянут

Углем и дымом.

Там

Реки из нефти и олова

Бьют о камни и сваи.

Резкие свисты проходящих судов

От страха воют в тумане;

Зеленый сигнал – их взгляд

В океан, в пространство.

Там

На набережных гулко звенят, сталкиваясь, вагоны,

Лязгают цепи, краны скрипят, дребезжат фургоны,

Тяжко весы роняют темные кубы,

Тюки по трапам скользят в огненные подполья,

Спины мостов разверзаются посередине,

В чаще снастей подымаясь, подобно

Виселицам; а медные буквы

Вдоль по крышам, карнизам и стенам

Стремятся изназвать вселенную.

Сверху вертятся колеса, проносятся кебы,

Летят поезда, устремляя усилья

К станциям, версты и версты

Тянущим нити огней золотого фронтона.

Рельсы ползут, разветвляясь, под землю,

Вдоль по тоннелям, по кратерам,

Чтобы вновь появиться и, сталью сверкая,

мчатся мимо

В облаке пара и дыма.

Все пути в город ведут.

Это Город-спрут.

Улица – петли ее, как узлы,

Вкруг монументов захлестнуты –

Уходит и снова приходит обходами.

Неразрешимые толпы ее,

С руками безумными, лихорадочным шагом,

С завистью злобной в глазах,

Жадно хотят ухватить уходящее время.

Ночью, вечером, утром,

В шуме, в спорах, в тоске,

Наобум кидают они

Страстное семя своей работы,

Уносимое временем.

И в порывистом ветре безумия их

Хлопают двери темных и скучных контор,

Двери банков и мрачных притонов.

На улицах пятна ватного света,

Разодранно-красного, точно горящее вретиче,

Отступают от фонаря к фонарю.

Жизнь алкоголем заквашена,

Бары разверзают на тротуары

Зеркальные скинии,

В которых дробятся опьянение и буйство.

Слепая свет продает у стены –

По копейке коробку.

Голод и блуд обнимаются в дальних углах.

И черный порыв ярости плотской

Пляшет танец смерти в глухих переулках.

Вождельенье растет и растет,

Ярость становится бурей,
Давят друг друга, не видя, жаждут
Упитаться золотом, пурпуром, телом.
Женщины – бледные идолы – бродят
Со знаками пола в своих волосах.
Воздух, воспаленный и рыжий,
Иногда от солнца отхлынет, день обнажая, –
И тогда – это точно великий крик,
Кинутый хаосом к свету
Площади, рынки, дома и дворцы
Ревут, распаяясь, с такою яростью,
Что умирающий ищет напрасно минуты молчанья,
Которое нужно глазам, чтоб закрыться навеки.
Днем он таков.
Меж тем, когда вечера
Ваяют небесные своды ударами черного молота,
Город вечерний вдали царит над равниной,
Как образ безмерных ночных упований.
Он воззывает желанья, великолепья и чары,
Зарево меди кидает до самого неба.
Газ мириадный мерцает золотой купиною.
Рельсы становятся дерзкой тропею, ведущей
К лживому счастью в сопровожденье удачи и силы.
Стены его представляются издали крепостью,
И всё, что идет от него – и туманы, и дымы, –
Светлым призывом доходит к далеким селеньям.
Это Город-спрут –
Осьминог пламенеющий,
Гордый скелет на распутье.

И все дороги отсюда
Ведут в бесконечность –
К Городу.

29 ноября 1916

Завоевание

Земля дрожит раскатом поездов,
Кипят моря под носом пароходов;
На запад, на восток, на север и на юг
Они бегут,
Пронзительны и яростны,
Зарю, и ночь, и вечер разрывая
Свистками и сигналами.
Их дымы стелются клубами среди туманов
Безмерных городов;
Пустыни, отмели и воды океанов
Грохочут гулами осей и ободов;
Глухое, жаркое, прерывное дыханье
Моторов взмыленных и паровых котлов
До самых недр глубинных потрясает Землю.
Усилья мускулов и фейерверк ума,
Работа рук и взлеты мыслей дерзких
Запутались в петлях огромной паутины,
Сплетенной огненным стремленьем поездов
И кораблей сквозь пенное пространство.
Здесь станции из стали и стекла,
Там города из пламени и теней,
Здесь гавани борьбы и сновидений,
Мосты и молы, уголь, дымы, мгла;
Там маяки, вертясь над морем бурным,

Пронзают ночь, указывая мель;
Здесь Гамбург, Киль, Антверпен и Марсель,
А там Нью-Йорк с Калькуттой и Мельбурном.
О, этих кораблей в путях заросший киль!
О, груз плодов и кож, для неизвестных целей
Идущий сквозь моря самумов и метелей,
Сквозь ярость бурь и раскаленный штиль!
Леса, лежащие на дне глубоких трюмов,
И недра гор на спинах поездов;
И мраморы всех пятен и цветов,
Как яды темные, запекшиеся руды,
Бочонки и тюки, товаров пестрых груды,
И надписи: Кап, Сахалин, Цейлон.
А возле них, кипя со всех сторон,
Взмывает, и бурлит, и бьется в иступленье
Вся ярость золота... Палящее виденье!
О, золото! кровь беспощадной вседвижущей силы,
Дивное, злое, преступное, жуткое золото!
Золото тронов и гетто, золото скиний,
Золото банков-пещер, подземное золото,
Там оно грезит во тьме, прежде чем кинуться
Вдоль по водам океанов, изрыскать все земли,
Жечь, питать, разорять, возносить и мятежить
Сердце толпы – неисчетное, страстное, красное.
Некогда золото было богам посвященным
Пламенным духом, рождавшим их молнии.
Храмы их подымались из праха, нагие и белые,
Золото крыш отражало собою их небо.
Золото сказкою стало в эпоху русых героев:

Зигфрид подходит к нему сквозь морские закаты,
Видит во тьме ореолы мерцающей глыбы,
Солнцем лежащей на дне зеленого Рейна.
Ныне же золото дышит в самом человеке,
В цепкой вере его и в жестоком законе,
Бродит отсветом бледным в страстях его и безумье,
Сердце его разъедает, гноит его душу,
Тусклым бельмом застилает божественный взор...
Если же вдруг разражается паника – золото
Жжет, пепелит и кровавит, как войны, как мор,
Рушит безмерные грезы ударами молота.
Всё же
Золото раз навсегда в человеке вздыбило
Волю – к завоеванью безмерного.
О, ослепительный блеск победителя – духа!
Нити металла – носители быстрого слова –
Сквозь сумасшедшие ветры, сквозь сумасшедшее море
Тянут звенящие нервы одного огромного мозга.
Всё повинуется некому новому строю.
Кузня, в которой чеканят идеи, – Европа.
Расы древних культур, – расчлененные силы,
Общие судьбы свои вы вяжете вместе с тех пор,
Как золото жалит ваш мозг общим желаньем!
Гавани, липкие воды от дегтя и вара,
Черные склады, кипящие штольни, гудящие домны,
Ваша работа вяжет всё уже узлы паутины
С тех пор, как золото здесь, на земле,
Победило золото неба!
Золото жизни, иль золото смерти, – страстное золото

Азию тянет петлей, проливается в Африку;
Золото – скиптр океанов, бродячее золото,
С полюсов белых срывается к рыжим экваторам.
Золото блещет в победах, в разгромах мерцает,
Золото кружится в звездных орбитах веков,
Золото властно ведет в державно намеченных планах
Мачты своих кораблей, рельсы своих поездов
Вдоль по пустыням земли, вдоль по водам океанов...

30 ноября 1916

Коктебель

Города

О, эти города, напитанные ядом гнилого золота!
О, каменные вопли, взлеты и жесты дыма,
И купола, и башни, и колонны
В звенящем воздухе, среди кипени труда...
Ты возлюбил ли ужас и тоску их,
Странник,
Печальный и задумчивый,
На огненных вокзалах, что опоясали вселенную?
О, вихрь колес сквозь горы и пространство...
Набат глухой и тайный, что лихорадил душу твою,
Он в городах гудел по вечерам; их пламя,
Неисчислимое и красное, твой озаряло лоб,
Их черный лай, и мстительные крики, и улюлюканье
охоты
Были лаем, криком и травлей твоей души;
Всё существо твое глубоко искажалось их
богохульствами,
И воля твоя была добычей их потока:
Вы ненавидели друг друга, обожая.
О, взлеты их, кощунства, преступленья,
Вонзенные, как в спину нож, закону!
Сердца колоколов и лоб их колоколен
Забыли их жертв число;
Чудовищные их нагроможденья заслоняют небо,

Ужас века сосредоточен в них;
Но их душа таит тот вечный миг,
Что в неисчетных днях собою метит время.
История была плодотворима
Из века в век приливом их идей;
Их мозг и кость питались новой кровью,
Что в старый мир вливается надеждой
И гением.

Они калят дерзання, причащают
Пространствам и колдуют горизонты,
Их притяжения вникают в дух, как яд;
И каждый, вознесенный над другими, –
Ученый ли, апостол иль поэт –
Несет свой пламенный в пыланье их пожаров.

Они в неведомое строят лестницы
Для восхожденья дерзостных исканий.
Светлыми ногами топчут ложь, что заковала цепью
Мир с человеком, человека с богом.
Видали ль ночью вы короны их огней
И храмы из стекла и золота, откуда
Чудовищные взгляды одетых медью стекол
Устремлены к созвездьям сивиллинским?
В кварталах молчаливых посещали ль
Лаборатории, в которых неотступно
От вывода до вывода, от связи и до связи
Сквозь бесконечности преследует ученый
Мельчайший трепет жизни?
Тот человек, что судит, мыслит, водит,
Ими весит и мерит сам себя.

Все тайны, все загадки мира
Им служат ставкой уже целый век
В борьбе великой с судьбами.
О, ярость знания и осторожность схваток!
Загадка здесь – ее следят и травят,
И настигают, как зверя свирепого,
Чтоб уловить мгновение, когда
Ее глаза, раскрытые внезапно, разорвут
Покровы тьмы и истину откроют.
Тогда пусть ветры, волны, и небеса, и звезды,
И тяжкие мосты, что давят глыбы устоев каменных,
Базальты порта и градские стены
Трепещут на четыре стороны пространства, –
Они не потрясутся столь полной радостью,
Как страстный дух искателя
Над новой победой.
Нечто в мире внезапно изменилось
Этим взрывом света из темноты;
И всё равно, прославит иль ославят гений того,
Кто выломал враждебные ворота,
Что защищали тайну, –
Сила его поглощена великой силой городов:
Их бытие еще полнее ею.
Так те, что мыслят, будущему мира
От времени до времени несут ярь мозга своего;
А между тем встают еще иные,
Те, что горят с толпой и для толпы.
Огни болотные и мученики грезы,
Они провидят ее идущей по садам мучений

И крови – к светлому свершению времен,
Когда дух справедливости проникнет человека.
Ложь издала законы – тексты черных истин:
Их надо грызть всечасно,
Ожидая, пока не сломят их тараны мятежа;
А если надо кровавых удобрений для светлых
всходов,
Если нужен великий гнев для полноты любви,
Если надо иступление для сердца рабьего, –
То гулы набатов черных взмоют города
Рыкающим приливом вокруг новых прав.
Там, наверху, в кварталах старых, в тусклых залах,
Где светы газа безграничат жесты,
А голоса, и кулаки, и крики трибунов светлых
Утверждают потребность всех нормальным кругом
права;
Таблицы, тексты, правила, системы и библии
Даются в передержках торжественных речей:
Для человека в мире нет господина иного, чем он сам,
И в нем самом владычествует – мир;
Оратор говорит и сильно, и высоко; слово его сверкает,
Косматое и истребительное, как полет кометы,
Как знамя безумное, простертое к победе;
А если он берет толпу трамплином –
Что до того? Он тот, чья воля полна чрез край
Вскипающими токами расцветов;
Отчаянья, и ярости, и гневов,
И грозное молчание горят в его руках:
Как некий тайный властелин, он видит

Подземное глухое набуханье внезапных сил.
Когда ж в согласии простом и неизбежном сопрягутся
Полет искателя с порывами трибуна,
То нет у неба такой грозы,
Таких громов у власти, у порядка такого произвола,
Чтоб раздавить собой победу мировую.

1916

Толпа

В городах из сумрака и черни,
Где цветут безумные огни;
В городах, где мечутся, беснуясь,
С пеньем, с криками, с проклятьями, кипя,
Как в котле, – трагические толпы;
В городах, внезапно потрясенных
Мятежом иль паникой, – во мне,
Вдруг прорвавшись, блещет и ликует
Утысячеренная душа.

Лихорадка с зыбкими руками,
Лихорадка в буйный свой поток меня
Увлекает и несет, как камень, по дорогам.
Разум меркнет,
Сердце рвется к славе или преступленью,
И на дикий зов единокупной силы
Я бегу из самого себя.

Ярость ли, безумие, любовь ли –
Всё пронзает молнией сердца;
Всё известно прежде, чем сознание
Верной цели в мозг впилося, как гвоздь.
Факелами потрясают руки,
Рокот волн на папертях церквей,
Стены, башни, вывески, вокзалы –
Пляшет всё в безумье вечеров.

Простирают мачты золотые свету
И отчаянные огни,
Циферблаты отливают кровью;
И когда трибун на перекрестке
Говорит, то ловишь не слова –
Только жест, которым иступленно
Он клеймит венчанное чело
Императора и рушит алтари.
Ночь кипит и плещет грозным шумом,
Электричеством налитан воздух,
Все сердца готовы отдаться,
Душа сжимается безмерною тревогой, разрешаясь
Криками... и чувствуешь, что каждое мгновенье
Может вспыхнуть или раздавить рождающийся мир.
Народ – тот, кому судьба судила
Руки, владеющие молнией и громом,
И власть открыть среди стольких смутных светов
Ту новую звезду, которая пребудет
Магнитом новой всемирной жизни,
Чувствуешь ты, как прекрасно и полно
Сердце мое
В этот час,
В сердце мира поющий и бьющий?
Что нам до ветхих мудростей, до солнц
Закатных отпылавших истин?
Вот час, кипящий юностью и кровью,
Вот ярый хмель столь крепкого вина,
Что всякая в нем гаснет горечь,
Надежда широкая смещает равновесья,

Что утомили души:
Природа ваяет новый лик
Бессмертья своего;
Всё движется, – и сами горизонты идут на нас.
Мосты, аркады, башни
Потрясены до самых оснований.
Внезапные порывы множеств
Взрывают города,
Настало время крушений и свершений,
И жестов молнийных, и золотых чудес
На высотах Фаворов осиянных.
Как волна, потерянная в реках,
Как крыло, исчезшее в пространство,
Утони, душа моя, в толпе,
Бьющей город торжествующею яростью и гневом.
Посмотри, как каждое безумье,
Каждый ужас, каждый клич калятся,
Расправляются и прыщут в небо;
Собери в единый узел миллионы
Напряженных мускулов и нервов;
Намагнитесь всеми токами,
Отдайся
Всем внезапным превращениям
Человека и вещей,
Чтоб ощутить внезапно, как прозренье,
Грозный и жестокий закон, что правит ими, –
Написанным в тебе.
Жизнь согласи с судьбою, что толпа,
Сама того не зная, возглашает

Этой ночью, озаренной томленьем духа.
Она одна глубинным чувством знает
И долг, и право завтрашнего дня.
Весь мир и тысячи неведомых причин
Поддерживают каждый ее порыв
К трагическим и красным горизонтам,
Творимым ею.
Грядущее! Я слышу, как оно
Рвет землю и ломает своды в этих
Городах из золота и черни, где пожары
Рыщут, как лев с пылающею гривой.
Единая минута, в которой потрясены века,
Узлы, которые победы развязывают в битвах.
Великий час, когда обличья мира меняются,
Когда всё то, что было святым и правым, –
Кажется неверным,
Когда взлетаешь вдруг к вершинам новой веры,
Когда толпа – носительница гнева, –
Сочтя и перечтя века своих обид,
На глыбе силы воздвигает право.
О, в городах, внезапно потрясенных
Кровавым празднеством и ужасом ночным,
Чтоб вознести и возвеликолепить себя,
Душа моя, замкнись!

Июнь 1917

Микельанджело

Когда Буонаротти вошел в Сикстинскую капеллу,
Он насторожился,
Как бы прислушиваясь,
Потом измерил взглядом высоту, –
Шагами расстояние до алтаря,
Обдумал свет, сочащийся сквозь окна,
И то, как надо взнудать и укротить
Крылатых и ретивых коней своей работы...
Затем ушел до вечера в Кампанью.

И линии холмов и массы гор
В его мозгу теснились могучими изгибами,
В узлистых и разлзатых деревьях,
Изогнутых и скрюченных от ветра,
Он видел напряженье спины, изгибы торсов,
И порывы простертых к небу рук...
В эти минуты в глазах его всё человечество –
Движенья, жесты, позы – принимало
Расширенный и полный облик всех вещей.
Он возвратился в город ночью,
То торжествующий, то недовольный собою,
Потому что ни одно из прожитых видений
В душе его не умиротворилось в статую.
На следующий день пред вечером

Недовольство в нем прорвалось, подобно грозди
Черных виноградин,
И к папе пошел он ссориться:
«Зачем он – Микельанджело – ваятель
Выбран, чтобы писать по влажной штукатурке
Святую легенду на потолке часовни?
Сикстинская капелла темна и плохо построена:
И самый яркий день в ней не разгонит ночи!
И что за толк трудиться над темным потолком,
Чтоб мрак расцветивать и сумрак золотить?
И наконец, откуда и кто ему доставит балки
Для подмостков такой величины?»
Папа, не меняя выраженья лица, ответил:
«Я прикажу срубить мой самый крупный лес».

И Микельанджело ушел обратно в город,
Враждебный папе, миру, людям, и ему казалось,
Что в закоулках дворца, скрываясь в тени,
За ним следят враги, заране осуждая
Неистовство, и мрачность, и величье
Нового творенья, что зрело в его душе.
Стал сон его одним огромным взмывом
Трагических телодвижений, вздымавшихся в мозгу.
Он с вечера ложился на спину на ложе,
И нервы продолжали гореть во время отдыха;
Он весь звенел, дрожащий, как стрела,
Вонзившаяся в стену.
Чтоб растравить еще свои обиды ежедневные,
Он распялся страданиями и просьбами своих.

И грозный мозг его, казалось, был пожаром
Огней снедающих и пламеней грозящих.

Но чем сильнее его страдало сердце,
Чем глубже проникали горечь и обида,
Чем больше ставил он препятствий самому себе,
Чтоб задержать миг молнии и чуда,
Внезапно преображающий работу,
Тем полнее зрело в душе
Творенье пламенеющее и мрачное,
Чье торжество и страх он нес в себе.

То было в мае; звонили к утрени;
Он, наконец, вернулся в Сикстинскую капеллу.
Силой мысли
Он собрал свои идеи в связни:
Группы резкие и четкие, и линии широкие и ясные
Пред оком зыбились в спокойном ровном свете.
Подмостки были построены так крепко,
Что могли вести на небо,
Широкий, ясный свет сиял под сводами,
Лаская выгибы и зажигая стены;
Микельанджело взбежал по сходам,
Легкий, шагая через три ступеньки.
Новый пламень разгорался под веками,
Пальцы с лаской ощупывали камень,
Который должен был одеться славой и красотой.
Затем он торопливо спустился
И твердою рукою двери

Замкнул на ключ.

Он затворился на дни, на месяцы, на годы,
Свирепо охраняя неприступность и тайну
Своей работы – одинокой и неисчетной;
Каждый день с рассветом, той же тяжелой поступью,
Он переступал порог часовни,
И между тем как солнце вдоль стен описывало круг,
Он, как поденщик, – молчаливый и яростный,
Трудился над бессмертным созданием.

Уже

Двенадцать испарушенных сводов замыкали
Семь пророков и пять сивилл,
Упорно проникавших в текст вещей книг,
Незыблемо сковавший
Живую зыбь грядущего.
Вдоль по карнизу пронизанные светом тела
Лепились дерзко, торсы их и спины населяли архитрав
Цветущей зрелостью и осмугленной плотью.
Пары нагих детей фронтоны подпирали;
Гирлянды здесь и там тянулись фестонами,
Змий медный выступал из глубины угла;
Юдифь кичилась кровью Олоферна;
Как зданье, рушился огромный Голиаф;
И к небесам вздымалась казнь Амана.
День ото дня, без отдыха, без срока,
Без ошибок и без поправок, росло и утверждалось
Творенье в стройной полноте;

Вскоре

Посередине свода развернулась книга Бытия:

Бог, как атлет, боролся с предвечным хаосом,
С водами и с землей;

Солнце и луна двойной печатью отметили

На пламенном и новом небе свои места;

Иегова устремлялся в пространства,

Повитый светами и бурями несомый;

Небо, море и горы жили мощной жизнью –

Широкой, медленной и строго размеренной;

Ева в изумленье перед своим творцом,

Сложивши руки, колена преклоняла;

Адам же чувствовал перст Бога ревнивого,

Касающийся пальцев, – призыв к деяниям;

Каин и Авель готовили дары;

А Искушитель, став женщиной, тяжелой грудью

Украшал властительное древо;

Под золотыми лозами заветного точила

Ной опьяненный преклонялся к земле;

И черный Потоп распростирал в полете

Крыло воды над лесом и землею.

В работе титанической, что он вершил один,

Иеговы пламенем горел Буонаротти;

Он создавал искусство сверхчеловечное;

он населил плафон свой новой расой

Существ великих, неистовых и мыслящих.

Гений его сверкал суровый и судорожный,

Подобный духу Данта и Саванароллы;

Уста, что он отверз, вещали слова иные,
И очи, им разверстые, провидели иные судьбы;
Под лбами вознесенными и в гордых торсах бился
И рокотал его глубокий, его великий дух;
Он пересоздал по-своему и мир, и человека.
В холодный осенний день
Узнали, наконец,
Что работа в Сикстинской капелле окончена
И удалась.

И стала хвала расти, подобная приливу,
Волнами страстными и рокотом широким.
Но папа Юлий Второй молчал.
Его молчанье было как ожог.
И мастер снова ушел в свое уединенье.
Он с радостью вернулся к старым своим мученьям,
И гнев, и гордость, и непонятная тоска,
Обиды, подозренья
Устремили снова
Свой ураган трагический сквозь душу
Микельанджело.

К Бельгии

Со дней последних битв, смывая дом за домом,
Все смёл и затопил сорвавшийся бурун.
И вот земля твоя: лоскут песчаных дюн
Да зарево огней за темным окоемом.

Антверпен, Брюж, Брюссель и Льеж – из рук твоих
Врагами вырваны и стонут в отдаленье.
Твой стерегущий взор не видит их мученья,
В руках израненных защиты нет для них.

Как жены скорбные, на побережье моря
Ты учишься сносить удары ярых гроз,
Упорствуешь, молчишь, лия потоки слез,
И терпишь до конца, с судьбою гордо споря.

Ты, побежденная, безмерно велика!
Прекрасна, доблестна, светла, как в те века,
Когда венчала честь вождей победных главы
И гибнуть стоило и жить во имя славы!

На эту пядь земли, где, не закрыв лица,
Стоит герой – Король под бурей безвозвратной,
Ты собрала солдат – остатки силы ратной,
Чтоб здесь трагически бороться до конца.

Ты так вознесена своей судьбою славной,
Твой подвиг так велик, твой пламень так высок,
Что образ твой в сердцах пребудет, одинок,
И нет в иных веках тебе по духу равной.

Пред этой жертвою что смерть твоих сынов?
Пусть Ипр в развалинах, Диксмюд разрушен, пашни
Затоплены водой, а труп сожженной башни
Огромный высится на фоне вечеров!

О, пусть вся родина лишь в этом пепле рдяном,
Ее мы любим так, что, ниц упав пред ней,
Мы будем целовать страдальный прах камней,
Прижмем уста и грудь к ее священным ранам.

А если гнусный враг, недобрый выбрав час,
Сожжет последний дом, страстей исполнив меру,
О Бельгия моя, храни восторг и веру:
Земля не умерла – она бессмертна в нас!

Душа города

Во мгле потонули крыши;
Колокольни и шпили скрыты
В дымчато-красных утрах,
Где бродят сигнальные светы.

По длинной дуге виадука
Вдоль тусклых и мрачных улиц
Грохочет усталый поезд.
Вдали за домами в порте
Глухо трубит пароход.

По улицам душным и скучным,
По набережным, по мостам
Сквозь синий сумрак осенний
Проходят тени и тени –
Толпы живущих там.

Воздух дышит нефтью и серой,
Солнце встает раскаленным шаром,
Дух внезапно застигнут
Невозможным и странным.
Ревность к добру иль клубок преступлений, –
Что там мятется среди этих строений,
Там, где над крышами черных кварталов

Тянутся ввысь на последней мете
Башни пилонов, колонны порталов,
Жизнь уводящих к огромной мечте?
О, века и века над ним,
Что так славен прошлым своим, —
Пламенеющим городом, полным,
Как и в этот утренний час, призраков!
О, века и века над ним
С их огромной преступною жизнью,
Бьющей — о, сколько лет! —
В каждое зданье, в каждый камень —
Прибоем безумных желаний и гневов кровавых!
Сперва — вблизи двух-трех лачуг — священник-пастырь!
Приют для всех — собор, и сквозь узор оконниц
Сочится свет церковных догм к сознаниям темным.
Стена, дворец и монастырь, зубцы на башнях,
И папский крест, которым мир овладевает.
Монах, аббат, король, барон, рабы, крестьяне,
Каменья митр, узорный шлем, камзол и ряса.
Борьба страстей: за честь герба, за честь хоругви;
Борьба держав... и короли неполновесный
Чекан монет хотят прикрыть гербами лилий,
Куют ударами меча свои законы
И суд вершат на площадях, слепой и краткий.
Потом рождается — как медленно! — гражданство:
Те силы, что хотят из права прорасти,
Народа когти против челюстей правителей...
И яростные морды в тени, в подпольях завыванье,
Бог весть к какому идолу, сокрытому в туманах,

Набаты плавают в вечерах неведомые ярости;
Слова освобождения и надежды – в атмосфере,
Насыщенной кипеньем мятежей;
Страницы книг, внезапно просветленных,
Жгут чувством истины, как Библии когда-то;
Герои светлые, как золотой ковчег, откуда
Выходят совершенья вооруженными и крепкими;
Надежда безумная во всех сердцах
Сквозь эшафоты, казни и пожары,
И головы в руках у палачей...

Городу – тысяча лет –
Терпкому долгому городу...
Не устает он противиться
Страстному натиску дней,
Тайным подкопам народов.
Сердце его – океан, нервы его – ураган!
Сколько стянула узлов эта упорная воля!
В счастье сбиратель земель,
Сломленный – ужас вселенной, –
Всюду в победах своих и разгромах
Он остается гигантом.
Гудит его голос, имя сверкает,
Светы его среди ночи пылают
Заревом медным до самого звездного свода,
О, века и века над ним!

В эти мрачные утра душа его
Дышит в каждой частице тумана

И разодранных туч:
Душа огромная, смутная, подобная этим соборам,
Стушеванным дымною мглою;
Душа, что скрывается в каждой из этих теней,
Спешащих по улицам мрачных кварталов;
Душа его, сжатая спазмами, грозная,
Душа, в которой прошедшее чертит
Сквозь настоящее смутные лики наступающих дней,
Мир лихорадочный, мир буйного порыва,
С дыханием прерывистым и тяжким,
Стремящийся к каким-то смутным далям;
Но мир, которому обещаны законы
Прекрасные и кроткие, – они
Ему неведомы, и он добудет их
Когда-нибудь из глубины туманов.
Угрюмый мир, трагический и бледный,
Кладущий жизнь и дух в один порыв,
И день, и ночь, и каждый миг несущий
Всё – к бесконечности!

О, века и века над ним, городом буйным!
Старая вера прошла, новая вера куется,
Она дымится в мозгах, она дымится в поте
Гордых работою рук, гордых усилием сознаний.
Глухо клокочет она, подступая к самому горлу
Тех, кто несет в груди уголь желанья
Громко крикнуть ее, с рыданиями кинуть в небо.
Отовсюду идут к нему –

От полей, от дальних селений,
Идут испокон веков, из незапамятных далей
Нити вечных дорог –
Свидетели вечных стремлений:
Этот живой поток –
Сердца его биенье.

Мечта, мечта! Она превыше дымов
Отравленных вознесена,
И даже в дни сомненья и уныний
Она царит над заревом ночей,
Подобно купине, пылающей звездами
И черными коронами...

Но что до язв? То было и прошло...
Что до котлов, где ныне бродит зло? –
Коль некогда сквозь недра туч багровых,
В лучах изваянный, сойдет иной Христос
И выведет людей из злой юдоли слез,
Крестя огнем созвездий новых!